

Е.Г. Чернышева

Пророк

Стихотворение написано 8 сентября 1826; опубликовано в 1828. Продолжает традицию поэтов-декабристов (Ф. Глинки, В. Кюхельбекера), метафорически изображавших в образе библейского пророка поэта-гражданина. Вероятна связь между тягостным переживанием известия о казни декабристов и написанием стихотворения: негодование поэта трансформировалось в осмысление своей общественной роли гневно изобличать существующее зло.

Однако гражданско-публицистический пафос далеко не исчерпывает эмоционально-смысловую сферу произведения, которое по праву считается эстетическим кредо поэта.

Центральный образ стихотворения находит соответствие в фигуре ветхозаветного пророка Исаяи. Библейские аллегории, библейский синтаксис и лексика в их церковнославянском варианте лишь материал стилистического воплощения лирической темы назначения поэта и поэзии. Конфликт произведения определяется идейно-психологическим напряжением между двумя состояниями лирического героя: томлением духа в начале развития лирического сюжета и готовностью к высокой и трагической миссии («Глаголом жечь сердца людей») в финале. Мучительный процесс духовного рождения инициируется высшей божественной волей, носителем которой является шестикрылый Серафим (по ветхозаветному преданию, ангел «пламенеющий», «огненный»), очищающий уста пророка, коснувшись их углем; он prepares лирического героя к высокому служению, до предела обостряя внутренние физические и духовные способности. Преодолевая ограниченность сугубо религиозной семантики пророка, Пушкин наделяет своего героя поистине космическим масштабом познания истины. Представление автора о всеведении поэта, пронизывающем все сферы бытия, выражено в аллегорической форме проникновения в небесную, водную и земную стихии («И внял я...»). Автором используются и иные мифологические первообразы и мотивы. Драматическая замена сердца символическим горящим углем и празднословного, лукавого языка жалом змеи становится кульминацией метаморфозы героя: он превращается в истинного пророка, страстного и убежденного провозвестника постигаемой им правды.

Образный строй стихотворения допускает более широкое этико-философское, онтологическое истолкование конфликта как внутреннего прозрения человека на пороге двух экзистенциальных состояний: кризисного, рефлектирующего, и активно-волевого, позитивно осмысленного как вечная борьба добра и истины со злом, безразличием и ложью, божественного порядка и энтропии.